

Революционный канцелярит в прозе Андрея Платонова

В статье "О блатном языке учащихся и славянском языке революции" Е.Д. Поливанов, выступая против злоупотребления канцеляризма и шаблонами прокламационного стиля в публичной речи 20-х годов, указывал, что по своему застывшему характеру эти трафаретные выражения "вполне сравнимы с церковнославянским речениями в церковном языковом обиходе" [1, с.169] При этом подчеркивалось, что особенности этого своеобразного "славянского языка революции" определяются утратой "реальных коммуникационных функций".

В качестве причины распространения "революционной славянщины" Поливанов рассматривает "характерное для русских пренебрежение к форме" и "полное отсутствие каких-либо других навыков и шаблонов" у многих людей, которые видят в "славянском языке революции" "единственный компас, с которым можно, дескать, бросаться плыть по зыбучему словесное море". [1, с.172] Эти замечания справедливы и точны. Однако здесь, на наш взгляд, необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство, позволяющее установить дополнительную параллель между церковнославянским языком и "революционным канцеляритом" 20-х годов. Следует заметить, что для значительной части неграмотного и полуграмотного населения России 20-х годов язык приказов и прокламаций играл роль сакрального языка, освященного авторитетом власти и истины, то есть в данном случае "славянский язык революции" приобретает ту же функцию, которую выполнял церковнославянский язык в течение многих столетий на Руси. Непонятность же языка, его чуждость обычным коммуникативным потребностям воспринимается при этом не как недостаток, но как признак силы и скрытого высшего смысла.

В сложной и противоречивой природе революционного канцелярита, метко обозначенного К.Д. Поливановым "славянским языком революции", таились огромные экспрессивные возможности. Эти возможности были осознаны и реализованы с максимальной художественной силой А. Платоновым в его великих произведениях конца 20-х годов: "Чевенгур" и повести "Котлован". Для героев "Чевенгура" характерно отношение к революционному канцеляриту как к языку непонятному, но исполненного высшего, таинственного смысла:

"Больше всего Пиюся пугался канцелярий и написанных бумаг -при виде их он сразу, бывало, смолкал и, мрачно ослабевая всем телом, чувствовал могущество черной магии мысли и письменности".

Герои А. Платонова понимают значение громких революционных фраз буквально, в результате возникает комический эффект, обнажается безжизненность и искусственность прокламационных штампов:

"Чепурный что-то задумчиво почувствовал и сообщил: